

Мать и мачеха

Дневник беженки

18+

Рамзай Ферганский

Ринат Рамазанов

Мать и мачеха.

Дневник беженки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40419313

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0952-0

Аннотация

О героическом Донбассе за 5 лет войны написано много. Эта повесть – Первая часть книги о том, как предавали Донбасс. Люди должны знать, как всё происходило. Пепел и кровь Донбасса этого заслуживают... Из отзывов первых читателей: "Так просто и так страшно... Я – человек взрослый и не сентиментальный, но вот именно от этой простоты – ком в горле... Может, если будет побольше таких книг, люди научатся состраданию, наконец, ценить жизнь свою и чужую..."

Содержание

Пролог	5
Успеть бы уехать...	6
03.06.14	6
08:10	6
04.04.14	8
10:35	8
22:15	9
06.06.14	11
15:20	12
09.06.14	13
11.06.14	14
08:10	14
12.06.14	15
23:45	15
13.06.14	16
08:45	16
11:15	16
14.06.14	17
15.06.14	20
16.06.14	21
Крым	23
17.06.14	23
18.06.14	24

11:00	24
17:30	25
01.07.14	26
Начало июля 2014	27
Середина июля 2014	29
28.07.14	31
30.07.14. Горловка	33
31.07.14	35
01.08.14	36
02.08.14	37
03.08.14. Рыбачье, Крым	38
04.08.14	39
05.08.14	40
10.08.14	41
10.08.14. Горловка	42
11:00	42
11.08.14	43
16.08.14. Рыбачье, Крым	44
20.08.14	46
23.08.14	47
24.08.14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Как журналисту, хоть и воюющему на Донбассе не с пером, а с оружием в руках, мне периодически встречаются люди, рассказывающие о пережитом «для использования» в будущей книге. Она, конечно, будет. Когда-нибудь. Я не спешу, потому что не хочется спешить.

Но вот материал, предлагаемый ниже, как раз из разряда тех, которые откладывать нельзя. Да и представляет он собой цельное, самостоятельное произведение. В общем, это дневник, который мне передала одна знакомая, всё так же «для использования в книге», но на условиях её анонимности.

Это история беженки. Казалось бы, не совсем о Донбассе, раз о ее жизни в России. Однако это не так. Это именно о Донбассе, о «Русской весне», о нашей войне и о войне вообще, о том зле, которое она приносит людям. Я уверен, это надо публиковать. И читать. Чтобы помнить...

Война раскрывает людей. Даже самых близких. И тех, кто далеко от полей сражений, и вообще от региона боевых действий... Так и эта война раскрыла многих...

Успеть бы уехать...

03.06.14

08:10

Утро – совсем не доброе. В семь утра воздух как будто взрывается резким и низким гулом. Мы уже по звуку узнаем, что – это. Но на работу всё равно надо. Собираюсь. Слышу ещё... И ещё... Кажется – так низко они ещё не летали. Как будто прямо над домом. А потом в небе ещё долго остаются длинные белые полосы. В детстве мне нравилось на них смотреть, когда их оставляли пассажирские самолеты. Говорят, что самолет сбили.

Идём на работу. Как всегда. Как будто ничего не происходит. Еду мимо горадминистрации. Там всё та же надпись висит «Всё будет хорошо». Может, так и будет... Открываю на работе Интернет. Конечно же, в новостях – ничего. Все знают. Все слышат. И все молчат. Всё слышали и молчат. Только и слышно, как периодически кто-то вздыхает. Молча... Тишина напрягает. У нас в офисе никогда так не бывает. Всегда кто-то смеётся и рассказывает что-то, ну или на начальство жалуется. А сегодня тишина. И горький, едва уловимый привкус опасности. Господи, успеть бы уехать...

04.04.14

10:35

Захожу в новости. Великий проклятый 21-й век!.. Войну можно смотреть онлайн. Это называется «стрим». А люди, которые это снимают в прямом эфире, – «стримеры». Да, нелегко им. Стримеры-экстримеры. В новостях – обстрел Луганской ОГА, стрим то есть. Знаю, что лучше не смотреть. Но смотрю. Через несколько минут это видео удалят... В кадре – женщина с оторванными ногами. В сознании. Над ней рыдает мужчина. И одно и то же повторяет, как ненормальный... Везде кровь. Настоящая, не киношная. Это не кино, это стрим, это всё взаправду... А её ноги. Их словно пропустили через мясорубку. Вернее – те куски, что от них остались. Лужи крови. Как будто шел кровавый дождь. И трупы тоже везде. Периодически слышно, как люди, которые остались живы, завывают, не кричат, а воют, как животные. А некоторые матерятся. Грозят расправой. Но женщине с оторванными ногами уже всё равно. Она ползёт в сторону камеры без ног, ну как будто она просто упала и ударилась, и совершенно спокойно просит позвонить дочери. Все просто работали, никто не ожидал ничего подобного. Женщину с оторванными ногами кладут на носилки. Увозят. Господи,

успеть бы уехать...

22:15

Женщина с оторванными ногами умерла по дороге в больницу. Смотрю, как через город едут военные машины. Много. Мне сказали, что это называется «колонна бронетехники». Неприятно. Они едут каждую ночь, очень гудят, и это мешает мне спать. Гадкое чувство чего-то страшного и неот-

вратимого. Холодно. Во рту горько. Наверное, что-то с нервами. Господи, успеть бы уехать...

06.06.14

Страшно. Люди очень глупые. Говоря «страшно!», они обычно не знают, что такое настоящий страх. От настоящего страха очень липко на спине, он ползает мурашками у меня за пазухой, потом собирается в одну точку спазмом внизу живота, стучит в висках, рябит перед глазами разноцветными пятнами. Потом он превращается в комок и становится в горле, и от этого не хочется ни есть, ни пить. Сегодня в новостях нам официально предложили покинуть территорию Донецкой области. Официально это звучало: «чтобы избежать жертв среди гражданского населения». Читай – кто останется, того убьют. Если ты остался – ты «сепар» и должен умереть. Неужели это правда? Неужели они убьют всех, кто останется? На работе молчат. Сказали только, что теперь у самолётов есть какой-то «обвес». Не знаю, что это, и не хочу знать. Сегодня на стриме укры выложили видео. Оно висело буквально минут 5, но я успела посмотреть. Я всегда всё успеваю. На видео хохлы в балаклавах ворвались в квартиру одного там «сепара» какого-то. Связали его и по очереди изнасиловали его жену. А потом его убили. Зарезали ножом. А потом один из них сказал на камеру, что так будет с каждым... Господи, успеть бы уехать...

15:20

Стреляют недалеко от блок-поста, что рядом с нашей конюшней. Ходить туда страшно, но я всё равно хожу, хоть мама и просит этого не делать. В городе – никого. Лето. Это так странно. Летом по городу должны ходить парочки, гулять дети, шататься выпившая молодёжь. А сейчас – никого. Такое ужасное безмолвие. Город застыл в ожидании. Иногда, когда я иду с конюшни, ощущение такое, что это какой-то затерянный параллельный мир, как в романе Стивена Кинга. Успеть бы уехать...

09.06.14

По городу воздушная тревога. Вывесили список бомбоубежищ. Объяснили, что такое «система гражданского оповещения». До ближайшего убежища от нас – 5 км. Это далеко, по-моему. Раньше, когда я видела дома с бомбоубежищами, мне казалось это глупым. Ну какие войны у нас, в 21-м веке? У нас есть планшеты и мобильная связь, Интернет, мы строим высотки, ходим на работу... Какие бомбоубежища могут быть в век стекла, бетона и компьютеров? Раньше многие вещи казались глупыми и смешными.

11.06.14

08:10

Утро взорвалось в голове тысячами осколков. Как будто небо упало на голову. Иногда мне кажется, что это всё сон, стоит только проснуться, и всё закончится, все эти ожидания, мурашки, липкий страх, синие пятна перед глазами, что я проснусь и моей главной проблемой станет то, что мои джинсы уже не в тренде, вышли из моды. А иной раз кажется, что сном была вся прошлая жизнь, когда не было в ней «людей без лица» (в балаклавах), никто не стрелял, можно было везде ходить и везде ездить. Тогда проблемы были такими смешными. Хочется с кем-то поговорить. Но в офисе молчат. Только Ленка иногда «с психу» захлопывает окно, чтобы не слышать, как они летают. Один за другим. Или это один и тот же кружит над городом, оставляя витиеватую белую полосу в небе и мерзкий режущий звук. В офисе молчат. Разговоры рождают панику. В них есть смысл, когда ещё можно что-то исправить. Поэтому сидим, молчим, но думаем об одном и том же. Это написано на лицах. У каждого из нас свои мурашки. Господи, успеть бы уехать...

12.06.14

Вчера вечером перетирала клубнику с сахаром. И тут вдруг вспомнилась женщина с оторванными ногами. Клубника, оказывается, очень похожа на разорванную человеческую плоть. Меня тошнит от клубники. Есть не смогла. Интересно, у женщины с оторванными ногами была страничка в соцсетях? И вообще, куда деваются странички, когда люди умирают? «Извините, ваш аккаунт удален по причине вашей смерти»... Никогда раньше не думала об этом. Как это, страничка есть, а человека уже нет?.. Глупо, нечестно. А вдруг ему кто-то пишет?

Ночью оповестили, что сегодня возможен авианалёт, но пока всё тихо. Зря только ночью не спала. Но всё равно больше половины людей сегодня на работу не вышло. Хотела взять билет, но их уже нет. Даже в новых вагонах всё занято. Народ массово уезжает, хватая детей, берут первые попавшиеся билеты, лишь бы свалить, а там уже перекладными... За неделю из города выехало около 15 тысяч. Предварительную продажу вообще закрыли, так что обратного билета у меня не будет в любом случае. Билет в один конец...

23:45

Слышала выстрелы прямо за домом, за гаражами...

13.06.14

08:45

Утром в посадке за домом нашли 2 трупа застреленных. Значит, вчера мне не показалось. Их застрелили и сожгли. Говорят, что они были за украинскую власть.

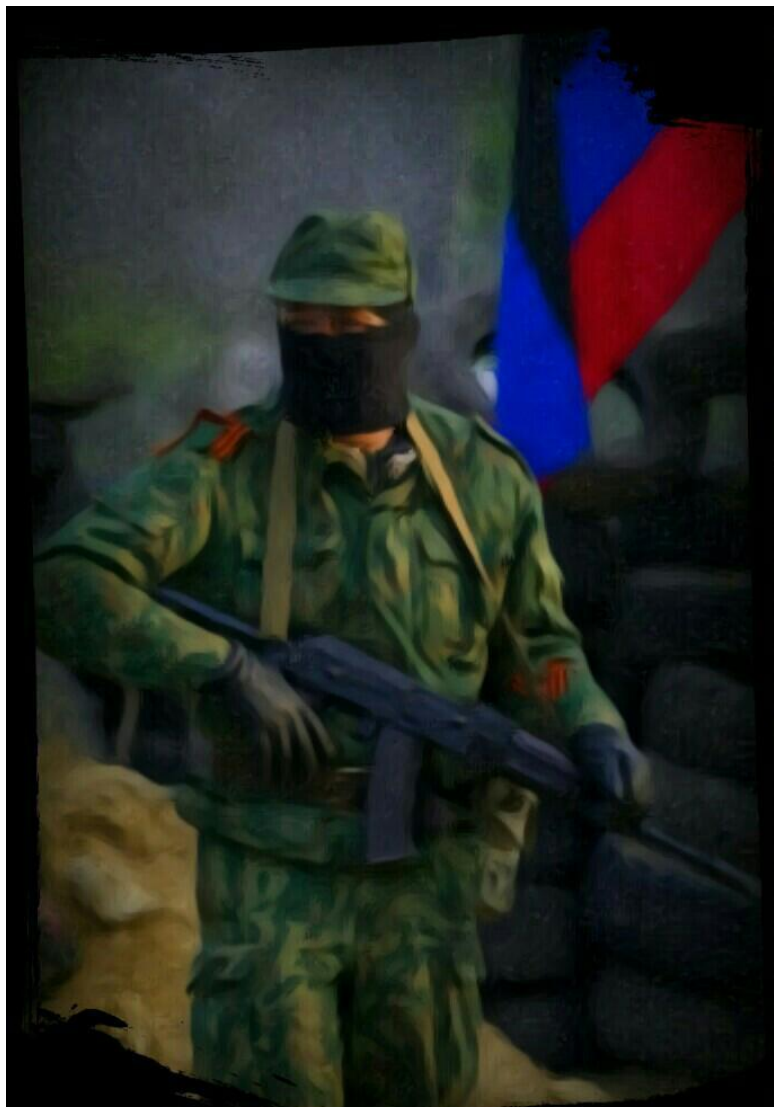
11:15

Начальство готовит бомбоубежище. Оказывается, оно у нас тоже есть. Это немного взбодрило, хотя не очень. Там было много воды, вычерпывали двое суток. Провели свет, завезли куртки, воду и сухпаёк. Сидеть там негде. А ещё оно очень маленькое. Очень... Нам провели инструктаж, как себя вести, когда будут падать бомбы. Не верится, что всё это происходит со мной...

14.06.14

Утро и день выдались спокойными, боёв нет. Но спокойствие это обманчиво: кажется, вот оно и закончилось всё. А может, ничего и не было? Ожидание казни...

Пока не стреляют, хожу на конюшню, и мама не истерит. Там огромный блокпост. Столько военных. И все без лица. Иногда мне хочется подойти и сорвать эту ужасную маску, потому что кажется, а вдруг это и не человек вовсе, хочется увидеть, что там обычный человек.

Говорят, что, когда пойдут на блокпост, конюшню уничтожат. Мы там стараемся дежурить, ну, если начнут стрелять, то не по лошадям же. Думаю, мы успеем увести их или хотя бы выпустить, чтобы убежали в поле.

Сегодня на БП расстреляли машину, парень не захотел остановиться. Ему было 20, его девушке – 18 лет.

На работе сказали, что по инструкции мы должны вечером дома выключать свет или зашторивать окна. Стекла заклеили скотчем, выглядит не очень-то вдохновляюще.

На работе все говорят, что нас не будут бомбить, потому что у нас – «Стирол». Если попадут в него, будет экологическая катастрофа, и плохо будет всем. Включая укров. Надеюсь, это так и стрелять туда не будут...

15.06.14

Бес расстреливает заложников и выкладывает видео в Сеть. Мне кажется, это какой-то фейк. Сегодня ехала с конюшни. Несколько раз в автобус заходили ополченцы и просили сдать украшения «во благо ДНР». Типа – им нечего есть и всё такое. Некоторые отдавали. Ещё бы, как можно отказать, если тебя просят люди без лица с заряженными автоматами. Наверное, не стоит больше золото носить...

Сегодня спускались в бомбоубежище. Оно всего на 30 человек. А нас – 300. Только для начальства? А остальным умирать снаружи? Лучше бы его вообще не было, я представляю, какая паника начнётся. Лестница очень крутая, и поручней нет. Все друг друга передушат за место в подземелье, а те, кого не придушат, свернут себе шею на этой лестнице. Начальник сказал открытым текстом, что мы (если что) должны бежать в посадку. По посадке никто не будет стрелять.

16.06.14

Так вот как это бывает. Как будто небо раскололось, разлетелось на тысячи осколков и упало на землю. Они всё-таки пошли в атаку. Всё-таки решили нас убить. Город в панике. Но мы работаем. И собираем вещи. Если успеем. Горловскую ЖД (станцию) уже закрыли. Там стоят военные. Осталась только Никитовка. Там они тоже стоят, но поезда ещё ходят. Билетов нет. Разъезжаемся кто куда и как может. Наташка к родственникам в Новороссийск. Ленка – в Липецк. Мама говорит, что я должна уехать с Ирой к тёте Люде на Байкал. Но я не хочу. Там холодно и нет моря. И почти нет лета. Хорошо, что у меня остался полный отпуск. Если что, возьму ещё месяц бесплатного. Думаю, к сентябрю всё должно нормализоваться. Тётя Шура сегодня ездила на вокзал, ей сказали, что билетов нет. Но можно с проводниками договориться, стоя или ещё как-то...

И ещё сказали военные: «Женщина, вам совет, уезжайте, хватайте самое необходимое и уезжайте куда угодно. На днях Горловка превратится в ад!...»

Крым

17.06.14

Мы в поезде. Мы всё-таки уехали. Теперь всё позади. Живы!)) Ира с детьми в другом поезде едут на Байкал. А мы едем туда, где тепло. Мы будем загорать, купаться в море, и всё забудется. В городе пока тихо. Думаю, военные преувеличивают специально, просто хотят нас выгнать, чтоб под ногами не путались и не доставали с расспросами. Со дня на день Россия введёт свои войска (как в 2008-м в Южной Осетии), и всё закончится. Все новости трубят, что войска РФ уже возле границы.

18.06.14

На границе Украины с Крымом стояли 9 часов. Жарко. Мучительно. Украинцы очень дотошно обыскивают всех. «Пробивают по базе». Мой паспорт «пробивали» минут 15. Заставляют открывать чемоданы, и даже сумочку проверили и детский рюкзак. А ещё они заставляют показывать плечи. Не знаю зачем. При мне только из нашего вагона увели 10 человек. Среди них была женщина с малышом. Это очень странно, не знаю, что теперь с ними будет.

11:00

Наконец-то едем! Мы в Крыму! Украина осталась позади...

В вагоне сказали, что военные проверяли плечи, потому что искали какие-то следы от оружия. У кого находили или кого пробивали по базе – забирали с собой. Говорят, одного парня забрали, потому что у него на руке была татуировка «Вежливые люди». Теперь я могу писать всё что угодно. Ира тоже проехала, но с трудом. Её паспорт очень долго пробивали. Она уже думала, что всё... Это из-за Саши, конечно, после весны он по-любому в их базе.

17:30

На месте. Устроились нормально. Условия приличные. Над нами – семья из Краматорска с тремя детьми. Рядом – 2 жены ополченцев из Горловки, тоже с маленькими. Они говорят плохие вещи. Говорят, что Горловка уже в кольце. И всех, кто остался, попробуют убить.

Я им не верю. Откуда им знать? Очень боюсь, что объявят военное положение, и МТС отключат. Wi-Fi здесь плохо ловит.

А ещё немного действует на нервы, что тут постоянно летают самолеты. Пассажирские. Но они шумят. Почему я раньше не обращала на это внимание? Таня (это та, которая из Краматорска) пытается объяснить младшему, что здесь нет войны и самолеты эти не стреляют. Дети их боятся, слышат звук – и сразу забегают в мансарду.

И ещё напрягает, что остальные постоянно любят заводить тему «А как там, на войне?». «А вы видели танки?» «А как стреляют, тоже слышали?» А некоторые задают и вовсе идиотский вопрос: «А это правда? Ну, то, что по новостям про вас показывают? У вас что, правда война?» «Нет, это просто спецэффекты!..» – отвечаю.

01.07.14

Кто-нибудь из вас знает, что такое ужас? «Ужас!» – говорите вы. Зубная боль, кофе, пролитый на одежду, гадкая простуда, начальство злое и несправедливое. Но. Когда-то случается действительно ужасное! Мы смотрим в небо и просим Бога, в которого не верим, вернуть нам прежние «ужасы». И забрать ЭТОТ...

Начало июля 2014

Конец. Я часто жду конца, сама не понимаю – чего. Но думаю, думаю каждый вечер, после того, как прощаюсь (да, именно прощаюсь) каждый вечер с родителями (ну, мало ли что, а мы не попрощались). Пансионат ложится спать. Камеры выключаются. И тогда я могу пролезть под закрытыми воротами, мимо охраны, и пойти к морю. Я хожу туда каждый день. Особенно когда на море штиль. Когда я захожу в воду, она кажется теплее, чем была днём. Такая тёмная, тёплая, ласковая. Она словно обнимает меня, зовёт. Говорит, что, когда мы вместе, всё хорошо! Что не надо думать о том, что там, на берегу. О тех, кто на берегу. И мне тогда, только тогда становится хорошо! Вот тогда я и думаю, что вот, вдруг, сейчас, совершенно случайно, волей обстоятельств или судьбы, вот прямо сейчас, пойдут титры и мой фильм закончится. Нет, я не умру, не хочу умирать, я должна жить, я хочу жить!.. Просто жду, когда всё это дерьмо закончится.

Очень раздражает, что мои руки связаны и я ничего не могу с этим поделать. Я желаю вам не оказываться в подобных ситуациях, потому что это – самое ужасное, что может быть. Конец нескоро. Да и конец чего? Так жить, телепаясь между «сдохнуть» и «жить, как крыса, в чужой стране». Практически – одна. А кто знает, может быть сейчас, в данный момент уже нет ничего. Нет родителей. Нет дома. Нет бабушки.

Только я, Матвей и море.

Середина июля 2014

Не могу дозвониться домой по несколько суток. Связи нет. Пробивает очень редко и на секунды. Просыпаюсь. Беру телефон. Набираю. Час, два часа. Не сдаюсь. И тут вдруг получается. На секунду. «Мам?» Слышу только короткое: «Живы». Связь обрывается.

Тот, кто страдает бессонницей, не спит и не бодрствует толком. Всё очень далеко от тебя. Мир и всё, что происходит в нём, кажутся нереальными, далёкими. Словно плохо отснятая копия действительности. Не можешь ни до чего дотронуться, и ничто не может дотронуться до тебя. У меня больше нет денег. То есть ещё вчера они были, а сегодня их нет. Кажется, меня обокрали.

Иногда, вернее часто, мне сложно следить за последовательностью событий. В моей жизни постоянно появляются какие-то люди, появляются и пропадают. Что им нужно? Некоторым «просто интересно». Некоторым «очень жаль». А некоторым – не очень. У одних в глазах сочувствие, у других – злорадство. И все знают, кто мы. Они знают, что мы – беженцы. Мы как обезьянки в цирке. Люди собираются вокруг меня в надежде услышать какую-нибудь суперкровавую историю. Если человек мне симпатичен, а я не очень зла и голодна, то я рассказываю. Тем более что некоторые нас чем-нибудь угощают, а иногда дают денег, и я могу купить по-

есть себе, а не только Матвею. Многие приглашают в гости. Харьков, Киев, Запорожье, Россия. Приглашают от чистого сердца, от всей души.

Банки не работают. Ездили в Ялту и Алушту, все банки закрылись. Деньги никак не переслать. Я отрезана от мира. Мы отрезаны. Дома все живы. Папа ночует на «квартале», мама – у бабушки. Они говорят, что так лучше. Что, если вдруг что-то совсем нехорошее случится, чтобы не все сразу... Ну, чтобы кто-то остался... Живой. Папа говорит, что у нас на поле, прямо за домом, стоят 3 «Града». И когда они стреляют, дома так светло, что можно читать.

28.07.14

О чём я мечтаю сегодня? Я точно помню, о чём я мечтала вчера. Вчера я хотела мира. Хотела еды. Мороженого. Новые шорты или сарафан. Мир – это не просто «когда не стреляют». Мир – это когда можно ходить на работу. Когда дети во дворе играют, когда можно везде гулять. Мир – это когда не спишь из-за того, что пьяная компания за окном играет на гитаре песни Цоя. Когда не пугают самолеты. Мир – это когда можно любить фейерверки. Я думала об этом ещё вчера. До бомбардировки Горловки. До того, как я увидела горящий город. Город в огне. Город, в котором я родилась, росла, влюблялась. Это было до того, как я увидела мёртвую мать, обнимающую своего мёртвого ребёнка. Теперь у меня есть только одно желание – я хочу видеть их трупы. Их тела с оторванными конечностями, тела, задыхающиеся от боли, в лужах собственной крови и дерьма. Хороших мечтаний больше не осталось. Их забрала страна, которую я считала своей Родиной. Что ж, Родины теперь у меня тоже нет. Я ничего больше не хочу от укропатриотов. Вначале я хотела, чтобы они образумились, потом – чтобы боялись. Теперь мне нужно лишь, чтобы они умерли.

Я не знаю, почему это случилось именно со мной. Трупы были и раньше. Одесса. Луганск. Женщина с оторванными ногами. Но я могла рассуждать, думать, размышлять, кто

прав, а кто виноват. А теперь – не могу. Не рассуждается. Не думается. Не говорится. Потому что всегда перед глазами стоит эта мёртвая девушка со своей мёртвой дочерью. В нашем парке. В парке, куда я так любила ходить со своими родителями. В парке, который теперь никогда не будет таким, как раньше.

Р. S. Кристине было 20 лет. Её дочь звали Кира, ей был один год. Ещё шесть человек погибли на остановке «Мелодия» прямо в центре города. Они просто ждали автобуса.

30.07.14. Горловка

В городе нет ни газа, ни света, ни воды. Папа ходит набирать воду в ручье, туда, где раньше была наша дача. Очередь – сотни людей. Хорошо тому, у кого есть машина. Загатались и поехали. А папа, простояв в очереди пять часов, может унести совсем немного. В магазинах раздают мороженое, молоко и мясо. Мясо никто не берёт, всё равно готовить не на чем и негде хранить. А вот мороженое... его сразу есть можно. Но это только маленькие магазины, большие уже давно разграбили военные. Гражданских туда даже не пускают. Сегодня сгорел «Фуршет» на автовокзале. И ещё деревянная церковь возле бабушки. Там, где нет газа, печки строят из кирпичей прямо во дворе. Сажу в «Зелке» день и ночь. Очень прошу маму уехать или хотя бы в подвал пойти. Но бабушка не может, а мама без неё не пойдёт.

В городе почти никого не осталось. Машина иногда редкая проедет. Ночью сижу в «Зелке». Передают, что горит Аксёновка, горит так, что на «квартале» падает с неба пепел.

31.07.14

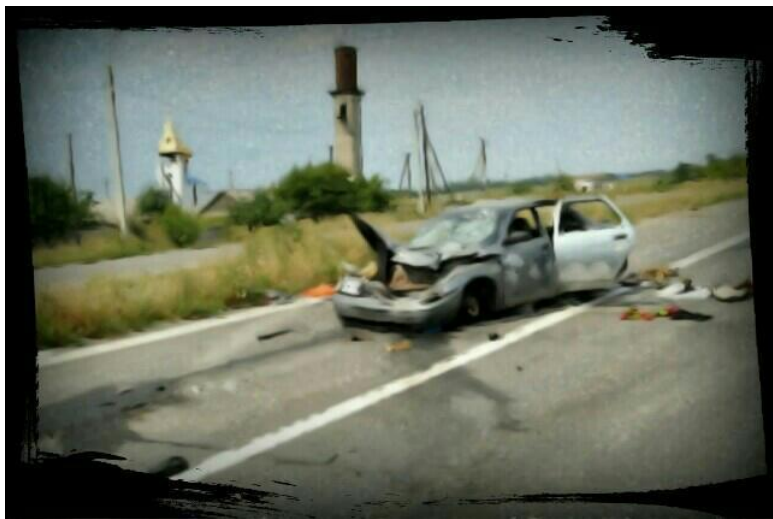
Мама согласилась уехать. Я заказала им места на утро.

01.08.14

Мама не уехала. Мест нет. Провозят исключительно женщин с детьми и беременных. Мои останутся. Останутся там. Сегодня папа встретил дядю Лёню. Странно, что он ещё в городе. Машина же есть. Папа говорит ему: почему семью не вывезешь, жена ведь молодая и ребёнок. Если бы у нас была машина, папа уже вывез бы маму и бабушку. Почему люди не ценят то, что имеют?..

02.08.14

Дядя Лёня всё-таки вывез семью. И по дороге наехал на мину. Погиб на месте. Как хорошо, что у нас нет машины!.. Цитирую прочитанное в сводке: «Пытаясь выехать с семьёй из Горловки, погиб первый директор ООО «Стирол-биофарм» Леонид Васильевич Федченко. Инцидент произошёл в пяти минутах от Майорского блок-поста. Сын и жена доставлены в больницу с осколочными ранениями».

03.08.14. Рыбачье, Крым

Сегодня на пляж я пришла очень злая. Во-первых, Матвей немного простыл. Во-вторых, ночью я опять не спала, сидела в «Зелке», слушала, как горит мой город. И потому мне пришлось купить растворимый кофе, чтобы хоть как-то прийти в себя. Чёртов кофе стоит 50 рублей, и теперь я не смогу купить себе тандырный хлеб. Денег осталось только Матвею на обед, поэтому на пляж я пришла злая и расстроенная. В последнее время я туго соображаю.

Матвей пошёл гулять по пляжу, как всегда нашёл свободные уши. Женщина. Лет под 50, но красивая, ухоженная. Слышу, как она предлагает ему блины с какой-то там начинкой и чай и из шиповника. Я тоже подошла. Мне хотелось сказать ей что-то грубое, ну, зло выместить, что ли. Чего она к чужим детям лезет? Тоже хочет послушать кровавые истории? Но её улыбка была располагающей, приветливой. К тому же, если Матвей вдруг не доест блины, то я смогу доест. Они большие и пахнут вкусно. Кажется, я дня три не ела ничего, кроме хлеба.

04.08.14

...Алексеевна. Теперь мы дружим. Конечно, гордость мне не позволяет сказать, что мы голодаем, но она и так нас часто чем-то угощает, так что я теперь не голодная. А Матвею вообще... Игрушки покупает. Непонятно, зачем ей это? Жалость? Скука? А вчера она, несмотря на мои протесты, затащила нас в кафе. Я старалась, конечно, держаться в рамках приличий. Но, Боже мой, как давно я не ела так хорошо! Это был чудесный вечер, Матвей танцевал и ел мороженое.

05.08.14

Алексеевна помогла мне устроиться в пансионат. Вернее, она меня туда поселила. Мы живём в комнате для персонала, пансионат ведомственный, принадлежит предприятию, в котором муж Алексеевны – директор. В соседней комнате живёт Роман Олегович, управляющий пансионатом. Мы как бы в одном блоке. Но он приличный, управляющий этот, не пристаёт, всё время на работе, да и Алексеевна за него поручилась. Она говорит, что я могу жить там, сколько захочу. Сколько захочу – это до конца сентября, до того момента, когда истечёт срок пребывания в РФ. Матвею оформили питание в столовой. Порции большие, так что обычно мне тоже что-то остаётся. А ещё Алексеевна часто что-нибудь мне приносит. Она – очень хорошая. Говорит, что у неё два сына, а она всегда о дочери мечтала, чтобы она была такая, как я.

10.08.14

Отпуск Алексеевны закончился. Уезжая, она оставила мне немного денег и свой номер телефона. Говорит, что домой ехать нам нельзя. И что, если я люблю сына, то должна думать о нём. Конечно, она права. Сказала, что Роман Олегович о нас позаботится, что я могу по любому вопросу обращаться к нему. А ещё она мне что-то подарила. Пытаюсь напрячь память и вспомнить, что именно, но не получается. В последнее время с памятью совсем плохо. Я с трудом вспоминаю, что было и когда. Прихожу на пляж, а как пришла – не помню. Совсем. Не помню, что ела. Возможно, это из-за бессонницы. Наверное, надо заканчивать сидеть в «Зелло». Но только так я могу быть с ними. Вместе...

10.08.14. Горловка

Вчера опять обстреляли бабушкин дом. Попало в магазин неподалёку и в магазин «Купец». Да, за 10 минут до взрыва папа покупал в нём хлеб. Не успел с этим хлебом дойти до дома, а магазина – уже нет. Видимо, у папы хороший ангел-хранитель. Если они вообще есть, эти ангелы.

А вечером папа пропал. Уехал на «квартал» и пропал. Должен был вернуться к обеду. Телефон выключен. Горловка в огне. Я звоню каждые пять минут, я уверена, что это какая-то нелепая, глупая случайность и завтра мы все посмеёмся. Мама в истерике...

11:00

Комендантский час. Папы до сих пор нет.

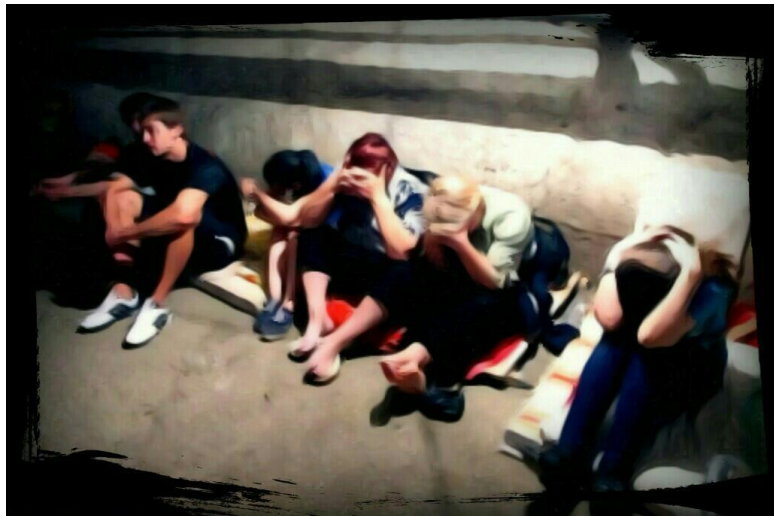
11.08.14

Папа нашёлся. Он жив. Не буду долго описывать, чего стоило мне пережить эту ночь. Просто напишу, что папу пьяного вдрызг, папу, которого я никогда в жизни не видела пьяным, забрали на нашем «квартильном» блокпосту. Проспался. Отпустили. Дома. Мама в истерике.

16.08.14. Рыбачье, Крым

Кажется, на днях что-то со мной было. Отравление, что ли. Плохо помню. Лежала сутки в пансионатском медпункте под капельницей. Под капельницей слушала «Зелку!». Кажется, какой-то врач сказал, что мне нельзя её слушать и что это – не отравление, а реакция на стресс. «Зелку» забрали, то есть заставили удалить (с телефона). Ничего, выйду – поставлю снова.

Роман Олегович (спасибо ему огромное!) всё это время приглядывал за Матвеем, водил в столовую. Как хорошо, что всё-таки на свете есть хорошие и добрые люди. Маме не говорила. Сегодня они ночевали в подвале. В эту ночь «черти» (укропы – Ред.) оторвались с особой жестокостью. Но наши квартиры целы, это хорошо. Только вот мама сказала, что в подвал они больше не пойдут, потому что там нет туалета, да и бабушка не может спать на досках. В подвале сыро и мокро. Бабушка простыла. Старая она для подвалов...

20.08.14

Нужно писать почаще. Вспомнить события мне всё труднее. Особенно то, что происходит со мной. Я до малейших деталей помню, что и когда происходило и происходит дома. Но не могу вспомнить, что – со мной. Все события как будто стёрты или не помнятся вообще. Словно короткие вспышки. Кажется, Ира рассказывала что-то ужасное. Не могу вспомнить, что именно. А ещё у меня немеет нога. Она как будто тянется немного. Роман Олегович отвёл меня снова к врачу. Там сказали, что это – центральная нервная система, реакция на стресс. Проблемы с памятью – защитная реакция, так психика пытается себя от стресса оградить. Назначили уколы, Роман Олегович их оплатил, это очень хорошо, потому что они дорогие, сама бы я не смогла. Теперь надо точно всё записывать. Вспоминаю. Кажется, на днях звонили с работы. Меня сократили. Отпуск давно закончился, а я всё ещё здесь, затерянная во времени и в пространстве.

23.08.14

У меня в запасе есть ещё 5 тысяч. На всякий случай. Если придётся бежать. Роман везде за мной следит. Камеры повсюду. Я чувствую себя голой. Даже если я хожу дорожками там, где камер нет, он всегда знает, где я. Всегда. Я сказала, что хочу уехать домой, и он забрал мой паспорт. Я не могу его (паспорт) найти. Да, кажется, он забрал его. Иногда утром, как например, вчера, удаётся тихо собраться и смыться до того, как он встанет. Тогда мы с Матвеем садимся в автобус и едем в Алушту. Просто гуляем. К ужину нужно вернуться. Я знаю, что, когда мы зайдём в ворота, он будет сидеть на лавочке и ждать. Он уже видел в камеру, что мы вернулись. Но не покормить Матвея я не могу. А 5 тысяч тратить нельзя. Я больше не ем в столовой. Ну, только иногда, когда он не видит. Я не хочу, чтобы он видел, что я ем его харчи. «Почему не ешь? Гордая?» – он меня спрашивает. «Да!» – говорю.

24.08.14

Вечерами хуже всего. Днём ещё терпимо, немногочисленные отдыхающие ходят. Роман не просыхает третий день. Он говорит такие вещи, от которых мне не по себе. Говорит, что я – его и останусь с ним, потому что деваться мне некуда. Говорит, что я тряпка, и обращаться со мной нужно, как с тряпкой. Что я тут только благодаря ему. Когда я хожу в магазин покупать водку, иногда остаётся сдача, и я покупаю себе что-нибудь поесть. Я стараюсь, чтобы он выпил побольше, обычно он начинает нести всякую хрень, а потом отключается. Знаю, что при Матвее он меня не тронет, поэтому стараюсь быть всегда с ним и, по возможности, на людях. Говорит, что в его срыве виновата я. Роман Олегович – тяжёлый хроник. Это мне рассказали добрые люди. Пил он много лет, жена ушла давно, а в прошлом году он пил так, что у него отказали ноги. Спасла его Алексеевна. После этого он «начал новую жизнь», и целый год ему удавалось маскироваться под интеллигентного человека. Вот так...

Если он не засыпает, то я, уложив Матвея, выхожу в общий коридор и слушаю под стенкой. Если всё тихо, вылезаю через балкон. Здесь – самое опасное место. Камеры могут засечь, и тот, кто на ресепшене, сразу доложит. Пытаюсь пробежать тенью вне поля зрения, дальше вниз по дорожке вдоль кустов, и вот осталось лишь пролезть в щель под воро-

тами – и я на свободе. Иногда я сплю на шезлонге в «спасалке» на пляже. А иногда – просто шатаюсь по ночному пляжу. Море зовёт меня. Надо же, сколько я уже здесь, а на море – всегда штиль. Когда я захожу в него, закрываю глаза, как в детстве, и вспоминаю, как мы втроём отдыхали в Крыму – папа, мама и я. Папа любил дурачиться, а мама над ним смеялась. И не было тогда войны, бомбёжек, Романа Олеговича, женщины с оторванными ногами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.